

Г.Е. Арешян

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

*(Наследие Б.Б. Пиотровского в области урартоведения,
кавказоведения и арменоведения)*

Борис Борисович Пиотровский, вся научная и общественная деятельность которого осуществлялась в глубоком восприятии им российской востоковедческой традиции, в следовании ее тенденциям, посвятил себя исследованию различных цивилизаций, но прежде всего изучению Урарту-Ванского царства и связанных с этим археологии и древнейшей истории Армянского нагорья и Южного Кавказа.

Будучи учеником Н.Я. Марра, Б.Б. Пиотровский воспринял его основополагающий взгляд на историю как на область синтетического знания. Несмотря на то, что Н.Я. Марр систематически не сформулировал своих взглядов на методологию истории, целостный анализ его трудов показывает, что он рассматривал реконструкцию исторического процесса как результат синтеза исследований разных, но равноправных по статусу источниковедческих наук: филологии, языкознания и археологии, включая в последнюю также и историю архитектуры и изобразительного искусства. При этом необходимо отметить, что в то время в российском антиковедении, изучении славяно-русской истории и даже истории древнего Востока и в других областях исторической науки в основном доминировал филологический подход, рассматривавший археологию и ряд других наук в качестве «вспомогательных исторических дисциплин». Очевидное исключение составляло, пожалуй, творчество М.И. Ростовцева, идеи которого, вероятно, оказали определенное воздействие на развитие взглядов Н.Я. Марра на историю. В целом же для своего времени подход Н.Я. Марра к историческому исследованию был весьма нетривиален. Даже в основу не оправдавшей себя в сфере языкознания яфетической теории был положен по существу исключительно актуальный и сегодня принцип антропологического подхода к истории, рассматривающий исторический процесс в виде реализуемого во времени единства мышления, языка и материальной деятельности человека, общества, этноса. В этом исходном моменте подход Н.Я. Марра в целом оказался созвучен идеям Ф. де Соссюра о «внешней лингвистике» и изложенным позднее взглядам Р.Дж. Коллингвуда, который рассматривал историю прежде всего как историю мысли человека деятельного¹.

Именно в те годы, когда Б.Б. Пиотровский начинал свои полевые исследования в Армении, вышла в свет монография Н.Я. Марра, обобщавшая итоги изучения столицы средневековой Армении, города Ани, в которой летописная и эпиграфическая истории успешно дополнялись историей археологической². Данная книга явилась по существу первым синтетическим археолого-филологическим фундаментальным трудом по истории Армении, который оказал очень значительное влияние на последующие исследования.

Однако здесь нельзя не вспомнить, что Б.Б. Пиотровский, испытав влияние

¹ *de Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933 (пер. с франц.). С. 43—45; *Collingwood R.G.* The Idea of History. N.Y., 1957. P. 210—231.

² *Марр Н.Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л., 1934.

идей Н.Я. Марра, был в то же время и египтологом, а в египтологии идея синтетической сущности современной исторической науки была выдвинута еще Ж.-Ф. Шампольоном во введении в курс археологии, читанном в 1831 г. Ж.-Ф. Шампольон рассматривал историческое значение как следствие синтеза истории филологической и истории археологической³.

Наконец, еще одним очевидным научным предтечей Б.Б. Пиотровского, по существу — его единственным предтечей в урартоведении явился австрийский ученый К.Ф. Леманн-Гаупт, последнее десятилетие активной научной деятельности которого в 1930-е годы совпало с первым десятилетием исследовательской работы Б.Б. Пиотровского. В последние годы жизни Борис Борисович не раз высказывал автору этих строк сожаление по поводу того, что ему не посчастливилось лично повстречаться с К.Ф. Леманн-Гауптом, который обладал в его глазах исключительным научным авторитетом⁴. К.Ф. Леманн-Гаупт не только стремился к созданию многомерной истории Урарту путем синтеза исследования клинописных источников и материалов археологических раскопок, но и рассматривал ее в органической связи с особенностями природной среды Армянского нагорья и культурными традициями региона⁵.

Таковы были те основные идеи предшественников, на которые опирался Б.Б. Пиотровский в первое десятилетие своей исследовательской деятельности в Армении. В то время формирование национальных археологических школ в республиках Закавказья только начиналось, и хотя армянские и грузинские исследователи древностей самоотверженно работали начиная с 70-х годов XIX столетия — их деятельность протекала в пределах единой системы археологии Российской империи.

К 1930 году история доантичного Закавказья, овеянная библейским преданием, сказаниями кавказских народов, освещенная отрывочными сведениями греко-римских авторов, донесенной раннесредневековыми письменными памятниками древнеармянской легендарной традицией и вводимыми в научный обиход относительно немногочисленными ассиро-вавилонскими, древнеперсидскими и первыми хеттскими клинописными источниками, представляла собой океан неизвестности. В этом океане маленькими островками маячили несколько раскопанных могильников раннего железного века и отдельные археологические комплексы предшествующих эпох, которые не имели в то время хронологической привязки, а также урартские клинописные тексты, высеченные на скалах Армении, интерпретация которых тогда оставляла желать лучшего.

Перед приехавшим в Армению молодым ленинградским ученым стояла задача выявления и изучения связи между урартскими клинописями и археологическими памятниками с целью комплексной археолого-филологической и историко-лингвистической реконструкции истории края в эпоху Ванского царства. Эта задача была сформулирована еще в конце XIX в. во время работ В. Белька, М.В. Никольского и А.А. Ивановского в Закавказье⁶, однако не нашла пози-

³ Шампольон Ж.-Ф. Вступительная речь к курсу археологии // Классики науки. Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите / Пер., ред. и коммент. И.Г. Лившица. М.-Л., 1950. С. 53—55.

⁴ Сегодня может показаться совершенно невероятным, что во время войны СССР с фашистской Германией Б.Б. Пиотровский рискнул высоко оценить в печати научную деятельность К.Ф. Леманн-Гаупта, который рассматривался в Советском Союзе как немецкой ученый. См.: Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 17. Вместе с тем нельзя не отметить, что Б.Б. Пиотровский и К.Ф. Леманн-Гаупт подошли к историческому исследованию с совершенно разных методологических позиций. Б.Б. Пиотровский, который в 1940—1950-е годы тяготел к социал-эволюционизму, резко и не всегда достаточно обоснованно критиковал реконструкции миграций, предлагавшиеся К.Ф. Леманн-Гауптом (см. там же, с. 44—47).

⁵ Lehmann-Haupt C.F. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens // AKGWG. N. F. Bd IX. 3. 1907; *оп. же.* Armenien einst und jetzt. Bd I. 1910; Bd II/1. 1926; Bd II/2. 1931.

⁶ Никольский М.В. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. Вып. V М., 1896; Ивановский А.А. По Закавказью! Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. // МАК. Вып. VI. М., 1911.

тивного решения, поскольку выявить морфотипологически характерные археологические комплексы урартской культуры в то время не удалось, а попытка механической увязки клинописей с могильниками предшествующей эпохи или инокультурной принадлежности не могла увенчаться успехом. Правда, в последней четверти XIX и начале XX в. в Западной Армении, в столице урартской державы Ване (в основном на Топрах-кале) Рейнольдсом, О. Рассамом, Клейтоном, К.Ф. Леманн-Кауптом, В. Бельком, И.А. Орбели⁷ в разные годы были произведены раскопки, которые установили своеобразный облик урартской (биайнской) археологической культуры, но при этом не была выявлена какая-либо связь с предшествующими и последующими, а также соседними культурами Армянского нагорья и Южного Кавказа. Технический же уровень раскопок в Ване лишь обеспечивал поставку находок, иллюстрировавших хронологические охемы, разработанные на основе чтения клинописей, и не позволял осуществить даже фрагментарную археологическую реконструкцию исторического процесса. Не увенчались значительным успехом и экспедиция И.И. Мещанинова, осуществленные в начале 1930-х годов и направленные на выявление урартских археологических памятников в Закавказье⁸, вероятно, прежде всего — из-за недостаточной настойчивости исследователя.

Б.Б. Пиотровский с самого начала параллельно изучал открываемые урартские клинописные тексты⁹ и поселения, представленные так называемыми «циклопическими крепостями», связь которых с урартской эпохой представлялась в то время вероятной. Однако уже в первые годы обследования «циклопических крепостей» стала очевидной их типологическая неоднородность, и в первых же статьях, посвященных итогам этих разведочных работ, была предпринята попытка историко-социологической интерпретации разработанной типологии, а также встал вопрос о том, что новонайденные поселения относятся не к одному лишь урартскому периоду¹⁰, а охватывают огромный хронологический отрезок истории Армении. Таким образом, возникла потребность культурно-хронологической локализации урартских комплексов в длинном ряду археологических памятников Армянского нагорья и Южного Кавказа. Данная задача предопределила на многие годы развитие двух направлений научной деятельности Б.Б. Пиотровского. Первое — целенаправленный поиск специфически урартских археологических памятников с целью синтетического воссоздания истории Урарту; второе — обобщение археологических исследований, освещающих все древнейшие периоды истории Армянского нагорья и Южного Кавказа.

Раскопки, проведенные Б.Б. Пиотровским в 1934 г. в Цовинарской крепости на берегу озера Севан, явились первым исследованием специфически урартского археологического комплекса в Армении, а целенаправленный поиск хорошо сохранившегося урартского поселения привел его на холм Кармир-блур близ Еревана, где в 1939 г. совместная экспедиция Армянского филиала АН СССР (позднее — АН Армении), Государственного Эрмитажа и Комитета по охране памятников Армении начала систематические раскопки. Археологические раскопки Кармир-блур, продолжавшиеся под руководством Б.Б. Пиотровского по 1971 г. и прерванные лишь в годы Великой Отечественной войны, увенчались выдающимися результатами. На Кармир-блуре были открыты и планомерно исследованы остатки урартского города Гейшебаини VII в. до н.э., построенного царем Русой, сыном Аргишти. Была полностью изучена огромная двухэтажная цитадель города, занимавшая площадь около 4 га, в нижнем этаже которой было раскопано

⁷ Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 18—19.

⁸ Мещанинов И.И. Циклопические сооружения Закавказья // ИГАИМК. Т. XIII. Вып. 4—7. 1932.

⁹ Пиотровский Б.Б. Шахриарская клинообразная надпись // ДАН СССР. 1931. № 2. С. 25—28.

¹⁰ Аджан А.А., Гюзальян Л.Т., Пиотровский Б.Б. Циклопические крепости Закавказья (Отчет о командировке в Армению летом 1930 г.) // СГАИМК. 1932. № 1—2. С. 61—64; Пиотровский Б.Б., Гюзальян Л.Т. Крепости Армении доурартского и урартского времени // ПИМК. 1933. № 5—6. С. 51—59.

150 помещений. Цитадель погибла в пожаре, возникшем при ее штурме в ходе скифского вторжения (нам представляется, что это произошло в 30—20-х годах VII столетия до н.э.); тогда ее наместником, по-видимому, является царевич Руса, сын Русы. Гибель цитадели, поспешно покинутой большинством ее обитателей, обеспечила исключительное богатство и разнообразие обнаруженных здесь археологических находок. У подножья цитадели были частично раскопаны жилые кварталы урартского города, некогда занимавшего площадь 35—40 га, а также подстилающие урартские мощные слои поселения раннего железного века. Основные результаты раскопок Кармир-блур были опубликованы в многочисленных трудах Б.Б. Пиотровского, его учеников и сотрудников¹¹. Обладая исключительной эрудицией, Борис Борисович анализировал и публиковал не только археологические комплексы и отдельные находки из Кармир-блур, но и издавал и интерпретировал многочисленные урартские клинописные тексты из этих раскопок¹², что предоставляло ему исключительные возможности для исторических реконструкций и обобщений. Раскопки Кармир-блур дали мировой археологии эталонный поселенческий комплекс, всесторонне характеризующий биайнскую (урартскую) археологическую культуру. Они позволили выявить определяющие черты урартского градостроительства, архитектуры и строительного дела, типологический состав урартского оружия, орудий труда и украшений из металла, урартской керамики и разнообразных категорий изделий из камня. Были открыты замечательные памятники урартского изобразительного искусства, в особенности металлопластики. Изучение материалов из Кармир-блур позволило реконструировать целый ряд производств, а также быт населения урартских городов VII в. до н.э. Раскопки предоставили весомые материальные подтверждения исключительной роли урартской металлургии и металлообработки, и в частности металлургии железа, в развитии древней ближневосточной цивилизации. На Кармир-блуре были открыты первоклассные урартские клинописные тексты, в их числе — остатки архива на глиняных табличках, хранившихся в цитадели¹³. Исследование кармир-блурских материалов позволило поставить и рассмотреть вопросы о взаимоотношениях пришедшей урартской культуры с культурами местного населения, о взаимодействии скифов с урартской цивилизацией, о торговле Урарту с Ассирией и странами Восточного Средиземноморья и ряд других. В свою очередь изучение урартских клинописных текстов из Кармир-блур позволило уточнить вопросы хронологии истории Ванского царства, осветить социально-экономические отношения и ритуальную практику.

Наконец, следует особо подчеркнуть, что кармир-блурская экспедиция явилась

¹¹Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944; *он же*. Кармир-блур. Вып. I—III. Результаты раскопок 1939—1953 гг. Ереван, 1950—1955; *он же*. Ванское царство (Урарту). М., 1959; *он же*. Искусство Урарту. Л., 1962; *он же*. Кармир-блур. Л., 1970; *Сорокин В.С.* Древние поселения у Кармир-блур: Автореф. канд. дис. ИИМК АН СССР. Л., 1955; *Мартirosян А.А.* Город Тейшебаини. Ереван, 1961; *он же*. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 160—190, 251—269; *Оганесян К.Л.* Кармир-блур. Вып. IV. Архитектура Тейшебаини. Ереван, 1955; *Вайман А.А., Тирачян Т.А.* Кармир-блурский некрополь эллинистического времени // ВОН АН АрмССР. 1974. № 8. С. 60—70.

¹²Пиотровский Б.Б. «Город Тейшебаини» в урартской клинообразной надписи // ЭВ. 1948. Т. 2. С. 83—85; *он же*. Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейшебаини (Кармир-блур) // ЭВ. 1949. Т. 3. С. 88—89; *он же*. Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г. // ЭВ. 1951. Т. 5. С. 110—112. *он же*. Урартские надписи из раскопок Кармир-блур 1952 г. // ЭВ. 1954. Т. 9. С. 73—77; *он же*. Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г. // ЭВ. 1956. Т. 11. С. 80—82; *он же*. Бронзовые изделия с надписями Сардури II из раскопок на Кармир-блуре // Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И.А. Орбели. М.—Л., 1960. С. 119—122; *он же*. Урартские надписи из раскопок Кармир-блур 1939—1958 гг. // ЭВ. 1960. Т. 13. С. 105—109; *он же*. Урартская надпись из раскопок Кармир-блур, связанная с основанием Эребуни // ЭВ. 1966. Т. 17. С. 3—5.

¹³Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963; *Арутюнян Н.В.* Новые урартские надписи Кармир-блур. Ереван, 1966.

замечательной школой подготовки армянских и русских археологов, урартоведов и в целом исследователей древневосточных цивилизаций. Взаимодействие ученых разных национальностей из многих научных центров, имевшее место на Кармир-блуре в печальную эпоху «железного занавеса», отгораживавшего нашу страну от всего современного цивилизованного мира, являлось прообразом того международного научного сотрудничества, к которому всегда стремился Б.Б. Пиотровский.

Во взаимосвязи с выявлением и исследованием урартских археологических памятников Б.Б. Пиотровский интенсивно работал над созданием обобщающей истории Урарту. Уже в 1939 и 1941 годах вышли в свет краткие очерки истории Ванского царства¹⁴, которые вскоре переросли в фундаментальное монографическое исследование. В процессе работы над ним Б.Б. Пиотровский досконально исследовал обширный круг всех известных в то время древневосточных, прежде всего собственно урартских, а также ассирийских письменных источников по истории Урарту. В работе над ассирийскими текстами ему активно помогал начинавший в те годы свою научную деятельность И.М. Дьяконов. Особое значение имело широкое привлечение Б.Б. Пиотровским древнеармянских письменных источников, в частности описаний урартских памятников в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в. н.э.), а также свидетельств того же автора о скифских походах в Переднюю Азию, гибели Ассирии и возникновении древнеармянского государства. Изучение топонимики и ономастики позволило затронуть вопрос о генетической преемственности населения Урарту и Армении. Над монографическим изложением результатов этих исследований Б.Б. Пиотровский работал в блокадном Ленинграде, опубликована же его книга «История и культура Урарту» была в Ереване в 1944 г.¹⁵ Этот труд органически синтезировал результаты археологических, лингвистических и филологических изысканий многих исследователей и в первую очередь самого автора. Исходной точкой его стала эколого-географическая характеристика Армянского нагорья, на территории которого сформировалось государство Урарту. В свете имевшихся в его распоряжении материалов Б.Б. Пиотровский рассмотрел процесс роста урартской державы, детально исследовал ее политическую историю, экономику Ванского царства: земледелие, скотоводство и ремесло, а также архитектуру, изобразительное искусство и религию. Таким образом, впервые была создана целостная многомерная картина истории Урарту — древнейшей империи, впервые объединившей в границах единого централизованного государства почти всю территорию Армянского нагорья и ряд сопредельных областей и сыгравшей уникальную роль в исторических судьбах Армении, Передней Азии и Кавказа. Сегодня остается только сожалеть, что книга Б.Б. Пиотровского, соответствовавшая лучшим мировым стандартам своего времени, не была сразу же переведена в странах Запада и широко не использовалась в мировом востоковедении до ее переиздания в 1959 г. Новое издание, вышедшее в свет под заглавием «Ванское царство» (Урарту), было значительно обогащено по сравнению с первым прежде всего за счет включения новых многочисленных материалов из раскопок Кармир-блуре и Эребуни и результатов их исследования¹⁶.

В последующие годы в урартоведческой тематике Б.Б. Пиотровского преобладающее место заняли вопросы изучения урартского изобразительного искусства. Особенно ценным для исследований в этой области оказалось

¹⁴Пиотровский Б.Б. Урарту: древнейшее государство Закавказья. Л., 1939 (пер. на арм. яз. — Париж, 1943); *он же*. Урарту. (Ванское царство) // *Струве В.В.* История древнего Востока. М.—Л., 1941. С. 307—323.

¹⁵*Он же*. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

¹⁶*Он же*. Ванское царство (Урарту). М., 1959. Первое переиздание за рубежом — итальянское: *Il regno di Van (Urartu). Incunabula graeca*. V. 12. Roma, 1966.

великолепное знание Б.Б. Пиотровским ассирийского искусства¹⁷. Анализ всех известных к началу 1960-х годов изобразительных памятников позволил ему представить урартское искусство в виде своеобразной части искусства древней Передней Азии¹⁸.

Сегодня не подлежит никакому сомнению, что именно работы Б.Б. Пиотровского стимулировали значительный рост интереса к археологии Урарту в международном масштабе на протяжении последних четырех десятилетий.

С урартоведческими исследованиями была неразрывно связана и разработка Б.Б. Пиотровским проблем археологии и истории доурартского Закавказья. Его работа в этой области была обусловлена необходимостью определения места урартской цивилизации в многотысячелетней последовательности древних культур Армянского нагорья и Южного Кавказа. Стремясь к построению целостной системы археологии доантичного Закавказья как на источниковедческом, так и на историко-интерпретационном уровнях Б.Б. Пиотровский уделил также много внимания и энергии полевому исследованию конкретных памятников бронзового века на территории Армении. Им были введены в научный обиход исключительно важные результаты работ Е.А. Байбуртяна, посвященных шенгавитской (куро-араксской) культуре раннего бронзового века¹⁹. В 1942 г. Б.Б. Пиотровский проводит раскопки широко известного в кавказоведческой археологической литературе могильника раннего железного века Редкин-лагерь близ Дилижана. В 1948 г. он исследует богатейший курган среднего бронзового века в Кировакане, а в 1971—1980 гг. совместно с С.А. Есаяном им велись раскопки телья Айгеван в Араратской долине, где была выявлена толща культурных слоев, превышающая 16 м и представляющая строительные горизонты раннего и среднего бронзового века, а также раннего железного века и раннего средневековья.

Выдающимся достижением Б.Б. Пиотровского явилась «Археология Закавказья», в которой был систематически изложен и обобщен весь известный к концу 1940-х годов археологический материал от палеолита до середины I тыс. до н.э.²⁰. Этой книге предшествовал ряд статей ее автора, опубликованных в 1930-х — первой половине 1940-х годов. Следует отметить, что над проблемами исторических обобщений по бронзовому и раннему железному веку Армянского нагорья и Южного Кавказа Б.Б. Пиотровский работал до конца своей жизни, предполагая выпустить новое переработанное издание «Археологии Закавказья».

Исследуя бронзовый и ранний железный век Армянского нагорья и Южного Кавказа, Б.Б. Пиотровский в основном следовал хронологическим построениям Е.А. Байбуртяна и Б.А. Куфтина²¹. Однако не вопросы хронологии определяли направление научного поиска Б.Б. Пиотровского. В центре его внимания постоянно находилась задача целостной археологической реконструкции исторического процесса, протекавшего в Закавказье в III — начале I тыс. до н.э.

При этом следует иметь в виду, что даже сегодня уровень разработки источников в археологии Закавказья еще слишком далек от необходимого для реконструкции взаимосвязи и последовательности конкретных исторических событий, во времена же пионерских работ Б.Б. Пиотровского об этом уровне нельзя было даже и помыслить. Это неизбежно вело к необходимости при-

¹⁷Пиотровский Б.Б. Ассирия // Искусство стран и народов мира. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: Краткая художественная энциклопедия. Т. I. М., 1962. С. 134—137.

¹⁸Он же. Искусство Урарту. VIII—VI вв. до н.э. Л., 1962.

¹⁹Он же. Поселения медного века в Армении // СА. 1949. Т. XI. С. 171—184.

²⁰Он же. Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949.

²¹Байбуртян Е. Последовательность древнейших культур Армении на основании археологического материала: Дис... канд. ист. наук. Институт истории и материальной культуры. Ереван, 1938. Архив Ин-та археологии и этнографии АН Армении, дело № 90/148; Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.

внесения некоторых внеархеологических представлений поясняющего характера в теоретические построения, разрабатывавшиеся Б.Б. Пиотровским. Среди таковых особое значение для гипотез Б.Б. Пиотровского имели следующие: 1) представление об обусловленности культурно-исторических процессов естественно-географической средой; 2) допущение возможности прямого привлечения этнографических параллелей к археологическому материалу; 3) идея поступательной прогрессивной эволюции культуры. Сегодня эти предположения принимаются лишь с существенными уточнениями: определяющие существование древних культур процессы адаптации к среде обитания могут реконструироваться лишь на основе комплексного исследования палеогеографических условий, а привлечение этнографических параллелей требует в качестве предпосылки системное сопоставление уровня и тенденций изменения сравниваемых обществ. Однако в приложении к уровню развития археологии Закавказья 40-х—50-х годов сегодняшние требования могут показаться лишенными какого-либо смысла. Во-первых, никаких систематических исследований палеоэкологии культур эпохи голоцена тогда не проводилось, во-вторых, сопоставление этнографически известного общества с обществом, которое еще только предстояло археологически реконструировать в общих чертах, при условии выполнения вышеуказанного требования неизбежно вводило бы исследователя в порочный круг объяснения одного неизвестного другим. Именно поэтому при всей условности названных допущений они все же позволили Б.Б. Пиотровскому впервые нарисовать картину истории доантичного Закавказья с археологической точки зрения. И эта археологическая реконструкция и интерпретация исторического процесса остается по сей день — при всех высказанных в ее адрес замечаниях — единственной по своей целостности и хронологическому диапазону.

В завершающем виде концепция Б.Б. Пиотровского предстает перед нами в его работах 1948—1956 годов. Их анализ позволяет выделить следующие положения.

В неолитическую эпоху развитие культуры в Закавказье шло более быстрыми темпами по сравнению с Северным Кавказом. Если на Северном Кавказе все еще господствовала охота и собирательство, то к югу от Главного Кавказского хребта уже распространилось примитивное орошаемое земледелие. В рамках той же неолитической культуры произошел переход к скотоводству²².

Основой хозяйства поселений Центрального Закавказья III тыс. до н.э., как отмечалось Б.Б. Пиотровским, и ранее являлось сочетание земледелия со скотоводством. Наряду с ними важную роль играли охота и рыболовство. Земледелие было примитивным, о чем свидетельствуют, в частности, смешанные посевы злаков. Несмотря на это ни земледелие, ни скотоводство поселений Закавказья III тыс. до н.э. нельзя признать начальными формами этих отраслей хозяйства. Уже в конце III тыс. до н.э. из-за ограниченных возможностей придомного скотоводства оно приобретает отгонный, яллагный характер. Еще до начала II тыс. до н.э. осваивались высокогорные луга, богатые травой. С ростом отгонного скотоводства было тесно связано увеличение удельного веса в стаде более подвижного, мелкого рогатого скота. В конце III тыс. до н.э. наблюдается значительное развитие металлургии. Населенные пункты III тыс. до н.э. могут быть охарактеризованы как слабо укрепленные городища — поселения родовых общин²³.

В связи с тем, что в начале II тыс. до н.э. ведущей формой хозяйства

²²Пиотровский. Археология Закавказья. С. 31.

²³Он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья. Доклад на сессии Ин-та истории материальной культуры и Гос. Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья. Л., 1948. С. 24, 26—27; он же. Поселения медного века в Армении. С. 173, 176, 180, 182—183; он же. Археология Закавказья. С. 33, 40; он же. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. 1955. XXIII. С. 5—6.

становится скотоводство, жизнь на многих сельскохозяйственных поселениях в низинах затухает. Новый вид скотоводства оторвал его от земледелия. Поселения переносятся ближе к горным пастбищам, тогда как долинные районы, где были поселения первой половины III тыс. до н.э., теряют свое прежнее положение²⁴. «На низкой ступени развития производительных сил... скотоводство легче давало прибавочный продукт»²⁵. Это привело, как отмечал Б.Б. Пиотровский, к ускорению процесса межплеменной и внутриплеменной экономической дифференциации в первой половине II тыс. до н.э. Наибольший прибавочный продукт накапливался именно в руках скотоводческих племен. Следствием этого явилась интенсификация обмена, и уже в начале II тыс. до н.э. между богатыми скотоводческими племенами Кавказа и странами древнего Востока установились связи, обусловившие проникновение в Закавказье древневосточных предметов и влияний²⁶. Крупные материальные ценности, приобретенные путем обмена, скапливались в руках вождей племен и их родов, образуя сокровища, что явственно отражается в роскоши и богатстве отдельных курганов Триалети и Кировакана²⁷. Найденные в курганах «предметы тонкого ювелирного мастерства, требующие больших навыков и свидетельствующие о долголетней традиции, не могут соответствовать уровню техники горных скотоводческих племен. Естественно предположить, что значительная часть наиболее художественных золотых и серебряных изделий, обнаруженных в Триалетских курганах, попала в Закавказье из соседних областей путем обмена. На это указывают также предметы вооружения»²⁸. Наиболее тесные контакты, по мнению Б.Б. Пиотровского, в ту эпоху установились с Древнехеттским царством. Эти явления экономической жизни оказали существенное влияние на развитие социально-политических отношений первой половины II тыс. до н.э. Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретая исключительное положение. Следует полагать, что в Закавказье того периода существовало несколько центров племенных союзов²⁹.

Культура Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа представлялась Б.Б. Пиотровскому закономерным развитием предшествующей цивилизации. В этот период отгонное скотоводство достигает наивысшего уровня. Для нужд скотоводства в горах создаются крупные системы водоснабжения из каналов и водохранилищ, которые должны были обеспечить водопой. В эпоху поздней бронзы широко распространяется коневодство. С развитием скотоводства было связано усиление антропогенного влияния на естественную среду. Резкое сокращение площадей лесов было вызвано не столько вырубкой, сколько выпасом овец, коз. Скотоводство этой эпохи оказало значительное влияние и на различные области производственной деятельности. В частности, расцвет позднебронзовой металлургии Б.Б. Пиотровский объяснял в значительной мере тем, что меднорудные районы оказались во власти скотоводческих племен и в связи с этим рудники начали интенсивно разрабатываться.

Земледелие продолжало оставаться на примитивном уровне, отставая от скотоводства, несмотря на применение архаичного плуга, молотильной доски и бронзовых серпов. Все же в Закавказье того времени высевался значительный ассортимент злаков и возделывался ряд садовых культур. С ростом скотоводства тесно связан был новый расцвет охоты, а земледелию продолжало сопутствовать

²⁴Он же. Развитие скотоводства... С. 6.

²⁵Он же. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР // Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955. С. 9.

²⁶Он же. Закавказье и древний Восток // Тез. докл. на пленарных заседаниях конф. по археологии Кавказа в Ереване. М., 1956. С. 4.

²⁷Он же. Археология Закавказья. С. 43; он же. Развитие скотоводства... С. 7.

²⁸Он же. Новые данные о древнейших цивилизациях... С. 7.

²⁹Он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья. С. 29; он же. Археология Закавказья. С. 44—46.

собираательство. При этом недостаточное развитие обмена препятствовало окончательному отделению земледелия от скотоводства³⁰.

«Несомненно, основной формой ремесла в Закавказье того времени была металлургия, и металлические предметы, изготовление которых требовало особых технических навыков, служили главными предметами междуобщинного обмена»³¹. С расцветом отгонного скотоводства связано окончательное оформление патриархальных отношений³².

В эту эпоху «...обмен часто заменялся насильственным захватом и грабеж становился своеобразной формой "производства". ...Эта постоянная военная обстановка иллюстрируется большим количеством оружия, найденного в Закавказских могильниках начала I тыс. до н.э.»³³. Важным показателем резкого усиления военных столкновений является распространение так называемых «циклопических» крепостей. Большинство поселений принимают вид таких крепостей. Крепости раннего типа имеют только одну цитадель, которая вначале служила убежищем населения и скота во время нападений, а впоследствии стала местом жительства выделившейся верхушки общества. Во время военных столкновений захватывалось некоторое количество рабов. Большинство рабов были, по-видимому, иноплеменными³⁴. Таков в целом был по Б.Б. Пиотровскому, уровень развития общества древнего Закавказья ко времени завоеваний ванских царей.

Техника земледелия урартов, привнесенная в завоеванные области, была гораздо более развитой по сравнению с земледельческой техникой закавказских племен. Качественный скачок земледелия был обусловлен созданием крупных ирригационных систем и широким применением орудий из железа в VIII—VII вв. до н.э. «Во второй четверти I тысячелетия до н.э... горные районы перестают быть ведущими. Казавшееся ранее неограниченным развитие скотоводства на горных пастбищах оказывается уже недостаточным; отгонная (яйлажная) форма скотоводства достигает своих пределов, для дальнейшего роста скотоводства необходим был переход в степи»³⁵. В долинах Армянского нагорья интенсивно развивается земледелие, а в степях Восточного Закавказья — кочевое скотоводство. Именно стадильная общность культур отдельных районов Закавказья и Северного Кавказа обеспечила реальные связи скифов Северного Кавказа с Закавказьем в VII—VI вв. до н.э.³⁶.

Такова картина экономического и социального развития древнейшего Закавказья, воссозданная в трудах Б.Б. Пиотровского. Она объясняет исторические события на огромном отрезке времени: от эпохи развитого родового общества до образования древнейшего армянского государства. Б.Б. Пиотровский прекрасно осознавал условность собственных исторических реконструкций и поэтому постоянно стремился к их уточнению и конкретизации не только на основе нового археологического материала. Рассматривая исторический синтез в качестве следствия междисциплинарных исследований, он постоянно сотрудничал как с филологами и лингвистами, так и с ботаниками и зоологами — М.Г. Туманяном, В.А. Петровым, М.М. Якубцинером, Ф.Х. Бахтеевым, В.О. Гулкяном, Л.М. Джанполадяном, С.К. Далем, Н.О. Бурчак-Абрамовичем, С.К. Межлумян и другими.

³⁰Он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья. С. 33, 38—40; он же. Археология Закавказья. С. 71—78; он же. Развитие скотоводства... С. 8—13.

³¹Он же. Археология Закавказья. С. 86.

³²Он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья. С. 33; он же. Археология Закавказья. С. 51.

³³Он же. Археология Закавказья. С. 56 сл.

³⁴Там же. С. 57—58.

³⁵Он же. Развитие скотоводства... С. 15.

³⁶Он же. Скифы в Закавказье // УЗ ЛГУ. № 85. 1949, Серия истор. наук. Вып. 13. С. 188; он же. Археология Закавказья. с. 115.

В последующие годы Б.Б. Пиотровский работал в направлении осмысления закономерностей, выявленных на кавказском материале, с точки зрения всемирно-исторического процесса. В докладе «О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государств» им было предложено общеисторическое обобщение проблемы взаимодействия земледелия и скотоводства в процессе социального развития древних обществ. Предполагалось, что процесс перехода от доклассового общества к классовому в Старом Свете между 20-й и 40-й параллелями в целом протекал по единым закономерностям. Исходным моментом в этом развитии являлись этнографически пестрые энеолитические культуры с комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством. На определенном этапе этого процесса начинает преобладать скотоводство, создающее больший по сравнению с земледелием прибавочный продукт, с чем теснейшим образом связан процесс классовобразования. Эта гипотеза подтверждается древнеегипетскими, месопотамскими, закавказскими, африканскими и другими материалами. В скотоводческих обществах прослеживается длительный период классового, но догосударственного общества, когда господствующий класс выступает исключительно в роли эксплуататора. После эпохи доминирования в комплексном хозяйстве скотоводства наступает период преобладания ирригационного земледелия. Господствующий класс становится не только эксплуататором, но и организатором производства. В этих условиях возникают древнейшие государства (Египет, Шумер)³⁷. Эти явления рассматривались Б.Б. Пиотровским в развитии, поскольку «характерной чертой истории культуры является обязательное использование и переработка культурного наследия прошлых эпох, ибо главнейшим условием развития общества необходимо признать непрерывность передачи опыта и знаний от одного поколения другому»³⁸.

Таким образом, начав с объяснения эмпирически выявленных отдельных фактов, Б.Б. Пиотровский пришел к созданию целостной гипотезы экономической и социальной истории древнейшего Закавказья, которая позволила сделать и ряд фундаментальных общеисторических предположений. Данная гипотеза оказала сильное влияние на работы многих археологов Закавказья. Мы встречаемся с ее изложением в той или иной форме в работах А.А. Мартиросяна, О.М. Джапаридзе³⁹ и других кавказоведов. Взгляды Б.Б. Пиотровского на много лет предвосхитили появление хрестоматийной статьи К. Фланнери, некоторые положения работ Х. Кленгеля⁴⁰, а также других исследователей.

Исследования Б.Б. Пиотровского в области древнейшей истории Армянского нагорья и Южного Кавказа не ограничивались реконструкцией динамики хозяйства и социальных структур. Его перу принадлежит и первый очерк ритуалов и религии населения Куро-аракского междуречья позднего бронзового и раннего железного века⁴¹. В основу очерка была положена этнографическая интерпретация остатков погребальных сооружений и структурно-семантический анализ изобразительных композиций и знаков, представленных на находках из этих погребений. Изучение семантики древнеегипетских и древнезакавказских изображений и знаковых систем было любимым поприщем Б.Б. Пиотровского. Эта сфера его творчества, естественно, никак не могла приветствоваться в годы идеологического господства сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)».

³⁷Он же. О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государств // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М., 1970. С. 17—20.

³⁸Он же. Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения // Новая и новейшая история. 1976. № 1. С. 93.

³⁹Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964; Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

⁴⁰Flannery K. V. The ecology of early food production in Mesopotamia // Science. V. 147, March 12, 1965. С. 1247—1256; Кленгель Х. Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (В особенности II тыс. до н.э.) // ВДИ. 1967. № 4. С. 60—70.

⁴¹Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. С. 87—97.

В последние годы можно было услышать от некоторых археологов из республик Закавказья критические замечания в адрес применявшегося Б.Б. Пиотровским термина «археология Закавказья». Их главным аргументом являлось само по себе не вызывающее возражений утверждение о том, что в качестве исторического единства Закавказья возникло после 1801 г. и существовало в границах Российской империи и СССР. Справедливо говорится, что почти все известные археологические культуры Юго-Западной Грузии распространены и на территории турецкой части Юго-Восточного Причерноморья или же что единая в культурно-историческом отношении территория Армянского нагорья разделена современными политическими границами на закавказское Куро-араксское междуречье, турецкую Западную Армению (она же «Восточная Анатолия») и приурмийский Иран. Однако в этой связи следует подчеркнуть, что Б.Б. Пиотровский не переносил в древность понятие «Закавказье», а говоря об «археологии Закавказья» имел в виду ту специфичную картину исторического прошлого, которая воссоздавалась трудами российских и закавказских археологов и востоковедов. Именно невозможность равномерного изучения единого в культурно-историческом отношении региона, разделенного политическими границами, неизбежно приводила к неадекватности научной реконструкции и исторической действительности.

В некоторых случаях Б.Б. Пиотровскому даже удавалось косвенно выступать против политизации историографии, что сейчас кажется почти невероятным для того времени безраздельного господства тезиса о классовом характере науки. Хорошим примером этому служат его арменоведческие работы, посвященные этногенезу армян.

В конце XIX — начале XX в. установление индоевропейской принадлежности армянского языка было сопоставлено со свидетельствами античных авторов (Геродота, Евдокса, Дионисия Галикарнасского, Страбона) о близости армян с фригийцами или же о переселении армян с Балканского полуострова. Это сопоставление по существу было превращено в упрощенческую миграционную теорию происхождения армян на Армянском нагорье, которая господствовала в арменоведении на протяжении почти всей первой половины XX в. Начиная с 1930-х годов этой теорией воспользовалась политизированная историография, имевшая целью историческое оправдание турецкого владычества в Западной Армении. В этих условиях, за несколько лет до появления основополагающего труда Г.А. Капаняна о Хайасе⁴², Б.Б. Пиотровский выступил с критикой миграционной теории появления армян на Армянском нагорье, отстаивая при этом точку зрения об автохтонности армянского этногенеза в Армении⁴³. Как ни расценивать сегодня анализ конкретного материала предлагавшийся в этих работах, очевидна обоснованность исходных методологических установок Б.Б. Пиотровского, рассматривавшего этногенез в качестве сложного, многопланового процесса, требующего комплексного, междисциплинарного исследования.

Вполне определенно высказал Б.Б. Пиотровский и свою точку зрения на проблему этнокультурной связи армян с урартами. Вот что он писал по поводу этнолингвистических взаимодействий в обобщающей работе, опубликованной в 1971 г.: «Важным и интересным, однако совершенно особым вопросом является вопрос об общности между урартским и армянским. Здесь генетическое родство отсутствует, поскольку эти языки относятся к разным языковым семьям. Однако длительное сосуществование бок о бок армянских племен и урартов в процессе образования армянского народа и последующая ассимиляция урартов форми-

⁴²Капанян Гр. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947.

⁴³Пиотровский Б.Б. К вопросу о происхождении армянского народа // ИАН Арм. ОН. 1945. № 6, С. 7—38 (на арм. яз.): он же. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946.

рующимся народом (курсив наш. — Г.А.), привели к значительному проникновению словарного фонда урартского в армянский язык, а также и к обратному проникновению элементов индоевропейско-армянского языка в урартский»⁴⁴.

Этой цитатой, очевидно, свидетельствующей о превосходном знании Б.Б. Пиотровским новейших достижений сравнительно-исторического языкознания, вероятно, следует завершить его портрет урартоведа, археолога-кавказоведа и арменоведа, для которого воссоздание целостной, синтетической картины исторического процесса было главной целью исследовательского процесса.

---

⁴⁴Он же. Раннерабовладельческое общество в Армении. Урарту (Ванское царство). Искусство, религия, письмо, литература // История армянского народа. Т. 1. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя. Ереван, 1971. С. 419 (на арм. яз.).

ARCHAEOLOGY AND HISTORICAL SYNTHESIS

*(B.B. Piotrovsky's Heritage in the Field of Urartu,
Caucasian and Armenian Studies)*

G.E. Areshyan

In the course of almost all his long creative life covering the period from 1929 to 1990 B.B. Piotrovsky was concerned with fundamental issues in the field of Urartu, Caucasian and Armenian studies. His research work was carried out in the traditions of Russian oriental studies and archaeology. He remained loyal to these traditions even in the most unpropitious years for the development of science, the years of the greatest politization of the humanities in the USSR.

His methodological credo was a synthetic approach to history, which he considered as the reconstructive generalization of written records, archaeological, ethnographic and linguistic data. On this basis he wrote fundamental books on the history and culture of Urartu (the Van Kingdom). He was the first to reconstruct and interpret the economic and social history of Trans-Caucasia from ancient times to the middle of the 1st millenium B.C. B.B. Piotrovsky's works on the ethnogenesis of the Armenian people are also characterized by the complex approach.

The analysis of Piotrovsky's scientific heritage clearly shows the continuous growth in the 20th century of the role of various culturological and anthropological sciences in the process of the synthetic reconstruction of history. It leads to the development of anthropological historiography which focuses on the creation of interpretative models of historical events oriented towards explaining the motivation of ways of activity of individuals, social groups and whole ethnoses both in specific situations and within definite historical periods.